

Сергей
БЕЛКИН

БЕГЛЕЦ - ШОУ

18+

Сергей Белкин

Беглец-шоу

«ЛитРес: Самиздат»

2005

Белкин С. Н.

Беглец-шоу / С. Н. Белкин — «ЛитРес: Самиздат», 2005

Остросюжетный триллер в «жанре погони». Джон Деми, он же Иван Демидов, попадает в драматические жизненные обстоятельства и вынужден принять участие в смертельно опасной игре: он убегает, а охота идет не столько за ним, сколько за его жизнью. Действие происходит в Москве во второй половине XXI века. Автор описывает будущее таким, каким оно может стать, если некоторые тенденции сегодняшнего дня продолжат свое развитие. Москва будущего — раздираемый противоречиями мегаполис, поделенный на сословные и этнические зоны, а общество будущего — мир жестокой и безжалостной борьбы, выжить в которой удаётся немногим...

СЕРГЕЙ БЕЛКИН

БЕГЛЕЦ-ШОУ

МОСКВА СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ 2005

Так я толкую письма
на восточной стене Европы.
Герберт Уэллс. Россия во мгле.

1

Он проснулся не от шума. Если бы шум мешал ему спать, он попросту никогда не смог бы заснуть.

Шум в Джук-Коу, как теперь назывался бывший подмосковный городок Жуковский, был непрерывным. Под него засыпали, с ним просыпались, в шуме работали и отдыхали от работы. Почти постоянно ревела Труба, гудели авиационные двигатели, непрерывно гремела музыка: на нижних этажах зданий располагались казино, бары, бордели, притоны, курильни – и отовсюду неслись однообразные звуки, называемые, за неимением нового слова, музыкой.

Джон не спал, но продолжал некоторое время лежать с закрытыми глазами. Открывать их не хотелось, – он слишком хорошо знал, что его окружало: первое, что он увидит, открыв глаза, будет дверь, точнее, дверной проем, занавешенный грязной тряпкой, бывшей некогда мешком. В углу под дверью он увидит своих маленьких детей – сына и дочь – спящих на картонных коробках, укрытых старыми газетами, которые ему удалось вчера отбить у двух бомжей на помойке возле «Тридцатого Гастронома». Бомжи были опытные и злые, но Джон моложе и сильнее.

Он также знал, что, повернув голову, он не найдет рядом собой своей жены и сразу вспомнит где она и что она сейчас делает.

И он понимал, что это – единственное занятие для молодой женщины в Джук-Коу, и что без этого их семья уже подохла бы с голоду.

Сегодня должны выдать Билет!

Он тихонько выкарабкался из под кусков картона, обрывков газет и тряпок, стараясь не разбудить детей, и, отодвинув тряпку, заменяющую некогда существовавшую дверь, вышел в коридор, захватив с собой пустую пластиковую бутылку.

В конце длинного коридора, по обеим сторонам которого были дверные проемы, кое-где занавешенные тряпками или кусками картона, а, иногда, даже закрытые дверьми, был вонючий, грязный туалет, в котором, однако, имелся кран с бесплатно текущей водой. Считалось, что у тех, кто пьет эту воду без фильтрации больше года подряд, почки отказывают.

В туалете прямо напротив входа над очком в раскоряк восседал грязный мужичонка, видимо, давно утративший чувство стыда. Он тихо постанывал, борясь с мучающими его болями, не обращая никакого внимания на вошедшего.

Джон подошел к ржавой трубе и открыл вентиль. Из трубы потекла желтоватая жидкость, мерзкий запах и вкус которой даже в этом провонявшемся помещении обнаружился, как только, ее начинали пить. Джон набрал воду в бутылку, затем одной рукой сполоснул лицо и побыстрее вернулся в свою комнату.

Втайне, поскольку у него не было лицензии на очистку воды, Джон соорудил фильтр из пластиковых бутылок и угольков, полученных в результате сжигания дощечки от старого ящика. Заполнив фильтр вновь принесенной водой, Джон допил остатки вчера отфильтрованной воды и, осознав, что больше он для своих детей сделать ничего не может, направился к лестнице.

Сегодня должны выдать Билет!

На первом этаже к устоявшейся вони невымытых тел, загнивающих носков и табачного дыма, примешивался запах дешевых духов и алкогольного перегара. На нижних ступеньках в куче собственного дерьма храпел негр, так и не успевший натянуть спущенные штаны. Из комнат доносились пьяные голоса, смех и ритмические музыкаподобные звуки.

Контролер, сидевший на первом этаже у входа, бывший когда-то сослуживцем Джона, попри-ветствовал его:

- Как дела, Джон?
- Сегодня должны выдать Билет.
- Удачи, Джонни!
- Спасибо, Куц.

Джон вышел на улицу, столкнувшись в дверях с женщиной, пытающейся затащить вовнутрь маленького пьяного вьетнамца.

Ночлежка располагалась в непосредственной близости от железной дороги, вдоль которой шла то ли узкая улочка, то ли широкая тропинка.

Стояло раннее июньское утро, солнце уже поднялось, и тополиный пух вибрировал в стоячем, теплом, но еще, все-таки, казавшемся свежим утреннем воздухе.

Повернувшись к солнцу спиной, Джон зашагал вдоль железной дороги по направлению к Территории.

2

Еще пол года назад Джон был авиамехаником в аэропорту, получал зарплату в электро-рублях, жил со своей семьей на Территории, в нормальной квартире, его дети ходили в пипл-скул, а жена мечтала о том, как они, или их дети, в будущем, накопив денег, смогут зарегистрироваться как «юсфул пипл», получить «гэрэнти» и переехать в «Стандарт-Зон».

И все было бы нормально, если бы не этот элитмэн. Слава Богу, что этот пьяный козел не погиб, а всего лишь, врезался в соседний самолет во время рулежки. Иначе Джон уже, наверное, издох бы на рудниках Норильска, а его детей и жену, скорей всего, «разобрали бы на запчасти», то есть их внутренние органы были бы изъяты Донорским Центром. А так, списав все на плохую подготовку самолета, его просто выгнали с работы, пожизненно лишили лиценза,

выселили с Территории, а все накопления, лежавшие на счетах компании, пошли в уплату за нанесенный ущерб.

Билет должны вручить сегодня!

Ему теперь надо подойти к проходной Кратов-гейт и назвать свою фамилию и номер. Джон вспомнил лицо своей жены...

Соня, Соня...

Джон любил ее, но чувство любви и жалости смешивалось с чувством ревности, брезгливости и яростного бессилия. Видеть ее после этих жутких ночей, смотреть, как она дает детям леденцы, которые ей засунул за лифчик очередной добрый китаец в качестве премиальных за дополнительные услуги, представлять себе как все это происходило, – нет, он этого не может выдерживать. Поэтому Джон старался поменьше видеться со своей женой.

Соня, Соня Мармеладова...

Лучше всего, конечно, было бы издохнуть. Но издохнуть надо только естественной смертью. Жenu и детей самоубийц сразу же направляют в Специнтернат, где их для начала стерилизуют – в порядке борьбы с распространением тяжелой наследственности, – а потом превращают в тупых, дегенеративных рабов, использующихся на самых отвратительных работах. Поэтому доказать, что кто-то умер естественной смертью, даже если это на самом деле так, бывает очень трудно. Эксперты всегда стараются увеличить количество рабов, – за это они получают премию. Даже смерть от голода трактуется, как самоубийство путем сознательного отказа от приема пищи.

Сегодня все зависит от Билета!

Хорошо было бы, если бы накоплений хватило на покрытие нанесенного ущерба. Тогда у него будет шанс поступить в Герои. Как у Стива из четвертой бригады. Когда Стиву оторвало левую кисть и его выгнали, семья несчастного так же точно бедствовала свои шесть контрольных месяцев. Но накопленных денег, слава богу, хватило на компенсацию расходов по оказанию ему первой помощи, уборке рабочего места и на возмещение ущерба компании, вызванного кратковременным простоем. Благодаря этому, по истечении шести месяцев ему дали Голубой билет. Стив сразу оформился кандидатом в Комитете Героев, и через три дня его направили куда-то на Север в связи с аварией на нефтепроводе. Там Стива спустили в какой-то то ли резервуар, то ли колодец – точно не известно – в котором он успел, прежде чем задохнулся, установить новый датчик. Посмертно был объявлен Героем, семье назначили пособие, и переселили в Образцовый Поселок. Это, конечно, далеко не Стандарт-Зон, но, все-таки, это и не ночлежка. Теперь его семье, по крайней мере, не угрожает ни Донорский Центр, ни Специнтернат.

Джон не задумываясь поступит так же, но только вряд ли ему дадут Голубой Билет – размер ущерба, нанесенного этим пьяным говнюком слишком велик. Таких накоплений у него на счетах не окажется. Разве что случится чудо.

Народу у проходной было немного. Джон постучал в окошечко, оно открылось.

Дерни за веревочку, дитя мое, дверь и откроется...

Джон назвал свое имя и табельный номер: «Джон Деми, семейное имя Иван Демидов, номер 12146267».

Чуда не произошло: ему выдали *Зеленый Билет*. На вопрос, – А что это значит? – ему коротко бросили: – Там все написано, – и захлопнули окошко.

Джон прочитал на обратной стороне Билета только одну фразу: «Настоящий Билет дает Вам право обратиться в Миссию Бартольди, расположенную по адресу Боннэр-сквер, 23».

Джон хорошо знал это место и, стараясь идти быстро, зашагал в сторону Боннэр-сквера, полагая, что не более, чем за сорок минут он доберется.

3

Боннэр-сквер находился в Иллиноу – городке, давно слившемся с Джук-Коу и когда-то давно называвшемся Ильинское. Этого, конечно, уже почти никто не помнил. Джон знал об этом только потому, что здесь когда-то жила его бабка, прожившая на свете почти девяносто лет. Когда Джон был маленьким, он часто бывал у нее, иногда оставаясь на целую неделю. Бабка много ему рассказывала о прежних временах, у нее в доме сохранялись даже книги. Джон их хорошо помнил, помнил их необычный запах.

А вот и дом номер 23. Благодаря бабке, Джон знал, например, что в этом здании раньше, то есть когда-то очень давно, находился Детский сад. Правда, что это такое —Детский сад — Джон уже не помнил. А, может, и не знал. Может, бабка про это и не говорила. Говорила просто «Детский сад» —и все.

У входа была вывеска: «Миссия Бартольди». В тамбуре стоял охранник. Джон молча показал ему свой Билет. Охранник разрешил войти, и Джон оказался в непроницаемом шлюзе. Через динамики он услышал:

– Прижмите лоб к красному квадрату.

Джон нашел красный квадрат, нарисованный на левой металлической стене шлюза, и плотно прижал лоб. К этой процедуре он не прибегал уже полгода, а раньше его идентифицировали ежедневно при проходе в Рабочую зону.

– Проходи! – раздался голос в динамике, и передняя стенка шлюза поехала вправо, – По коридору направо, бокс номер четыре.

Открыв дверь с цифрой 4, Джон оказался в маленькой комнатке, в противоположной от входа стене имелось стеклянное окно, за которым сидела тетка в какой-то униформе. Перед окошком стоял металлический стул.

– Садитесь, – Джон услышал голос тетки.

При попытке сесть выяснилось, что стул намертво вмурован в пол.

– Зеленый билет предоставляет вам, с нашей помощью, ряд возможностей, – продолжала тетка, – Прочтите их, подумайте, если будут вопросы —спрашивайте.

С этими словами он просунула сквозь едва заметную щель листок зеленой бумаги с текстом, озаглавленным: «Виды социальной помощи, оказываемой Миссией Бартольди обладателям Зеленого Билета». «Видов» было три: Консультирование по вопросам наиболее выгодной продажи внутренних органов; Предоставление кредита под залог внутренних органов; Предварительное собеседование для передачи дела в «Комиссию Яковлева».

С первыми двумя все ясно, а вот что такое «Комиссия Яковлева»?

– Комиссия Яковлева нанимает соответствующих ее требованиям людей для выполнения специальных миссий на условиях премиальной оплаты, – словно читая его мысли, заговорила тетка.

– А что... – начал задавать вопрос Джон, но она его перебила:

– Содержание миссий вы сможете узнать только в том случае, если будете допущены к этой информации самой Комиссией, что касается размера премиальных, он может достигать астрономической величины и даже полного изменения социального статуса – вплоть до разрешения проживать в Москве, Во Внутреннем Городе.

– Ну, для этого, наверное, надо прикончить не менее трех наших президентов кряду...

– О содержании миссий вы сможете узнать только в Комиссии Яковлева. Напоминаю вам также, что критика Правительства и Президента запрещена, – в ее интонации по-прежнему не было никаких эмоций.

– Да я и не думал критиковать, – начал оправдываться Джон, но тетка снова его перебила:

– Оставляю вас на пять минут. Через пять минут вы должны будете сделать свой выбор.

Тетка еще не успела далеко отойти, когда Джон сделал выбор, поэтому последующие пять минут он просто сидел и ждал. Когда она вернулась, Джон уверенно произнес:

– Я хотел бы поговорить насчет Комиссии Яковлева.

– В таком случае вам надо перейти в бокс номер 11. Желаю удачи, – с этими словами тетка нажала на какую-то кнопку и окно стало медленно закрываться наплывающими сверху жалюзи.

4

Джон вышел в коридор. Дверь с числом 11 находилась почти напротив. Джон вошел внутрь и сел на точно такой же металлический стул перед таким же окном из толстого стекла. Вскоре с той стороны показался молодой, но уже совершенно лысый мужчина с лицом, лишенным подбородка. От этого у него был несколько бабий вид. Голос у него тоже оказался не вполне мужским. «*Пидор*», – подумал Джон.

– Меня зовут Филипп. Я представитель Комиссии Яковлева. Мы рады, что вы, господин Деми, приняли решение сотрудничать с нами.

– Но я пока еще никакого решения не принял, – настороженно ответил Джон. – Мне сказали, что мы сначала просто побеседуем.

– Конечно, конечно, – гадко усмехаясь, ответил *пидор*, – именно это мы и будем сейчас делать. Сначала я расскажу вам о Комиссии Яковлева. Комиссия существует много десятилетий и связана с именем политического деятеля далекого прошлого. На этом об истории Комиссии все. В последние годы комиссия занимается подбором и, если требуется, подготовкой специалистов для выполнения специальных миссий по заданиям и на средства наших клиентов

Содержание миссий является охраняемой тайной, ее разглашение ведет ко всем мыслимым неприятностям, которые только могут случиться с вами и членами вашей семьи. До того, как вы подпишите Меморандум о неразглашении, я могу вам сообщить лишь то, что все миссии сопряжены со смертельным риском, что, взявшись за выполнение миссии вы совершаете необратимый поступок, то есть, вы не будете иметь права отказаться от выполнения миссии и выйти из игры до момента выполнения задания, либо вашей гибели. Предварительные вопросы по содержанию миссии есть?

– Хотелось бы, хоть в самых общих чертах понять – что же все-таки, придется делать? – спросил Джон. – Ну хоть иносказательно: бегать, плавать, копать, убивать? Надо будет что-то украсть, кого-то прикончить, слетать на Луну – скажите, хотя бы примерно. Мне же надо попробовать оценить свои силы и возможности.

– Вы на правильном пути, Джон! – ухмыльнулся господин Филипп. – Придется, возможно, делать именно то, что вы перечислили. Насчет ваших возможностей – не беспокойтесь. Мы вас оттестируем и определим, на что вы годитесь. Задание вы получите в соответствии с вашими реальными возможностями – как физическими, так и интеллектуальными. Сегодня вы можете сделать только одну вещь: подписать первую часть Меморандума о неразглашении. После этого вас начнут тестировать, но никакой другой информации вы не получите – а вдруг вы окажетесь слабеньким настолько, что для вас вообще никакой работенки не найдется. В этом случае мы расстанемся без особо тяжелых последствий для вас: под угрозой весьма умеренных репрессий вы не должны будете никому рассказывать о содержании наших тестов и процедуре проверки. Если же для вас что-нибудь найдется, вы подписываете вторую часть Меморандума и получаете наше предложение. Если вы его принимаете, и вы, и ваша семья поступают на содержание Комиссии. Это, конечно, не роскошь, но, по крайней мере, вашей жене не придется заниматься проституцией, а ваши дети будут сыты. Так будет продолжаться в течение всего времени, отведенного вам на выполнение задания.

– И как долго продолжается выполнение задания?

– По-разному, – пожав плечами, ответил педик. —Обычно бывает от нескольких дней, до месяца. Задания разные, и исполнители разные.

– А как насчет конфликта с законом, – спросил Джон.

– Ну, вы даете, господин Деми! – удивился Филипп. – У вас, насколько я понял, конфликт с самой жизнью, точнее, со смертью, а вы беспокоитесь о каких-то словах, написанных на бумаге. Тем не менее, я отвечаю: да. Вам придется грубо нарушать закон, но мы при этом позаботимся, чтобы у вас всегда было только два исхода: гибель с выгодой для семьи, или ваша победа.

– А что бывает в случае моей гибели?

– Ваша семья получает от одной пятой до поло-вины вашего вознаграждения, плюс гэрэнти. Иногда и другие льготы – все зависит от задания и от обстоятельств вашей гибели.

– Что это значит – обстоятельства гибели?

– Ну, если вы, например, получив задание и оформив с нами все отношения юридически, незамедлительно угодили под проходящий поезд, ваша семья не только ничего не получит, но и рискует угодить под статьи о родственниках самоубийц. Ну и так далее – все зависит от обстоятельств. Обычно, в ходе выполнения задания у вас есть возможность набирать не погашаемые очки, – за них выплата осуществляется в безусловном порядке. Подробности вы узнаете потом.

– Когда можно начать тестирование? – решил Джон.

– В принципе, хоть сейчас, – снова ухмыльнулся *Филиппок*, —только оно занимает почти сутки. Может, вам надо сообщить об этом семье?

– Достаточно, если вы позвоните в Ночлежку номер семь и сообщите все, что нужно, дежурному по имени Куц.

– Вы сами можете это сделать, если хотите...

– Нет необходимости. Даже лучше, если это сделаете вы, – перебил его Джон. Он уже начал мысленно готовить себя к какой-то, пока еще не известной роли, в которой он, тем не менее, почувствовал главное: необходимость отрешенности от этой жизни.

– Вы мне начинаете нравиться! – осклабился господин Филипп. —Я думаю, мы сможем найти для вас что-нибудь подходящее. Итак, если вы готовы, подпишите Первую часть Меморандума, а затем переходите в восьмой бокс.

С этими словами господин Филипп нажал кнопку и из стены, прямо на Джона выполз металлический столик с листом бумаги и ручкой в специальном углублении. Текст Меморандума был коротким и ясным. Джон подписал его, и листок вместе со столиком и ручкой вполз обратно в стену.

Восьмой бокс был гораздо просторнее и напоминал раздевалку спортивного зала. Не успел Джон осмотреться, как в боксе появилась другая тетка, но такой же униформе, как и первая. Она объяснила Джону, что, прежде чем начнется прохождение теста, он должен пройти санитарную обработку. Для этого надо полностью раздеться, положить свою одежду в белую сетку, а свои вещи и ценности в желтую коробку. После этого надо будет пройти туда, – и она указала на дверь с левой стороны.

Джон прошел обработку, затем долго лежал в какой-то капюле, весь увешанный проводами, и отвечал на бесконечный ряд идиотских вопросов. Потом ему вернули его обработанную обез-зараживающими средствами одежду и велели некоторое время подождать в холле второго бокса.

В холле второго бокса было достаточно просторно, стояли кресла, низкий столик, на стенах висели картинки, а по углам стояли горшки с растениями. В общем, довольно уютно.

Вскоре вошел господин Филипп и еще один мужик с папкой подмышкой. Второй был уже здорово облысевшим, но при этом загорелым, с молодой кожей и ясными глазами. Прямо на переносице у него разместилась огромная черная бородавка, из-за чего он был вынужден носить очки на самом кончике носа – на обычном месте дужке очков было бы не разместиться.

Первым заговорил Филиппок:

– Ну, что ж, мистер Джон, тестирование показало, что вам можно будет кое-что поручить. Сейчас я вас оставлю с господином Фениксом. Вы с ним вместе пообедаете и побеседуете, а там посмотрим.

5

Господин Филипп вышел, и в холл тут же вкатили тележку с едой и напитками. Молодой человек в униформе быстро переставил с тележки на столик поднос с бутербродами, поднос с овощами, два бокала, бутылку воды, чайник с кипятком, две чашки, сахар и пакетики для заваривания чая.

– Что-нибудь еще? – спросил молодой человек, обращаясь к господину Фениксу.

– Пока достаточно, – ответил Феникс, – если что-то понадобится, я скажу. Спасибо, можете идти.

Юноша удалился, а Феникс, обращаясь к Джону сказал:

– Ну что, парень, давай перейдем на ты – мы с тобой почти ровесники: тебе тридцать, мне – тридцать один. Так что, на правах старшего я тебе предлагаю перейти на ты. Идет?

– Идет, – ответил Джон. Хрипловатый голос, дружественная интонация и улыбка Феникса располагали к товарищеской беседе.

– Ну, давай, наваливайся на бутерброды и все остальное, – приветливо улыбаясь, Феникс пододвинул поднос поближе к Джону. – Расскажи-ка мне, брат, как это все произошло в аэропорту? Я, правда, успел получить на тебя все материалы и уже прочитал отчет о происшествии. Не знаю, как там все было на самом деле, я не специалист, но, по-моему, этот мудака за штурвалом сам врезался – то ли по пьянке, то ли от неумения. А тебя они просто подставили. Просто подставили, – еще раз повторил Феникс.

– В общем, да, – ответил Джон, не переставая жевать. – Они даже и не проверяли рулевое управление. Этот мудака очень важный и богатый клиент. Он был здорово пьян. Когда он врезался в соседний самолет, я просто был первым из техников, кто оказался рядом. Я побежал, чтобы помочь ему выбраться из кабины, а он сразу на меня набросился... Я стал объяснять, что он превысил скорость рулежки, что надо было идти строго по желтой линии и все такое, а он меня обругал и попытался ударить. Я увернулся и схватил его за руку, а он завопил, позвал охрану... Короче, мне припаяли плохую подготовку самолета к взлету, отказ системы управления по вине техника, ну и все такое...

– Да-а-а, я примерно так себе это и представлял, – Феникс хлопнул Джона по плечу. – Ладно, не отчаивайся. Что-нибудь придумаем. Конечно, все это хреново и не справедливо. Я тебя понимаю... Я ведь и сам из этих мест – из Рамен-Скай. Знал бы ты, сколько я натерпелся. Пока вот так устроился. Что я только не делал в этой жизни – страшно вспоминать. Считай, на всех войнах успел поучаствовать, ранен был... Теперь вот в этой Комиссии работаю вроде как инструктором. В общем, неплохо. Семей, правда, так и не обзавелся.

– Послушай, – спросил Джон, – а что мне предстоит делать-то?

– Вот об этом мы с тобой и поговорим. Давай поступим так. В принципе, ты должен сначала подписать Вторую часть Меморандума, и только после этого я могу что-то рассказывать, но я тебе, как другу, кое-что расскажу до подписания, – но строго между нами. Короче, ты сможешь спокойно и без последствий выйти из игры, пока не подпишешь Вторую часть.

– А если подписана и вторая часть?

– Тогда ты уже становишься обязанным нести ответственность за полученную информацию, причем в материальной форме, попросту говоря, ты уже будешь должен какие-то деньги, а за разглашение информации там и вовсе жуткие меры. Но Вторая часть еще дает, все-таки, возможность отказаться от затеи, заплатить деньги и никому об этом не рассказывать. А вот Третья часть – это уже настоящий договор, по которому ты обязуешься выполнить определенную работу на оговоренных условиях, а отказ от выполнения равносителен, по сути дела, гибели. Твоей, и твоей семьи.

– Понятно, но ты обещал мне кое-что рассказать предварительно.

– О-кей, рассказываю, – Феникс достал пачку сигарет, достал одну, а пачку бросил на стол. – Закуривай, не стесняйся.

– Да я не курю...

– Значит так, – затягиваясь, начал Феникс. – Наши миссии можно подразделить на две группы. Первая – совершение некоторых, скажем так, противоправных деяний, на условиях финансового вознаграждения.

– Каких именно? – спросил Джон.

– Не забегай вперед... – усмехнулся Феникс. – Прочитай Уголовный кодекс, – любая статья может иметь к тебе отношение.

– Ну, допустим, я совершил такое деяние, – стал уточнять Джон, – но ведь меня будут разыскивать, найдут и применят еще худшие меры, нежели те, которых я опасаясь сегодня.

– Да, это так. По заданиям первой группы мы, как правило, не оказываем правовой поддержки. Попадешься, – мы ничем не поможем и откажемся от любых обвинений в наш адрес. Но отличие от твоего теперешнего положения, все-таки, будет огромное, – у тебя будут деньги, которых сейчас нет, и шанс смыться.

– Каковы, примерно, размеры вознаграждения?

– Понятно, что это зависит от... – Феникс задумался, подбирая слово, – от статьи Кодекса, которую придется нарушить и от некоторых других обстоятельств. В среднем, ты можешь рассчитывать на сумму, которой хватит на то, чтобы расплатиться с твоими долгами, переехать в другое место, оплачивать проживание и питание семьи в течение года-полутора. За это время ты можешь приобрести новую квалификацию, получить лиценз и работу. Объяснение происхождения денег мы, в случае успешного выполнения задания, берем на себя.

– Ну, а если меня, все-таки, найдут. Пусть через год, или два?

– Ну, тогда, – Феникс пожал плечами, – сам понимаешь...

– Понятно. А что за миссии во второй группе?

– Во второй группе ситуация совершенно иная. Пока могу сказать лишь следующее. Здесь тебе, быть может, не придется совершать никаких преступлений, а быть может, и придется – это заранее не будет известно ни мне ни тебе, однако риск для твоей собственной жизни здесь весьма велик, и только от тебя будет зависеть, удастся ли тебе избежать всех угроз, которые неизбежно возникают в заданиях второй группы. Впрочем, за этот риск и плата несравненно более высокая. Здесь можно получить целое состояние, снять с себя все обвинения прошлого, освободиться от ответственности за любые совершенные преступления и начать жить как член Элиты.

– А что же имеется в виду...

– Все, брат, больше я тебе ничего сказать не могу, – итак уже переборщил. Я тебе вот что посоветую. Подписывай Вторую часть, потом мы с тобой вскроем конверт с заданиями, и я тебе помогу разобраться в этих предложениях. Уверен, что хоть что-нибудь, по своему вкусу, ты подберешь. Вспомни, что тебя ждет там, – и Феникс кивнул головой в сторону окна, за которым находились дома и улицы Иллиноу и Джук-Коу.

– Я согласен! – решил Джон. – Давай Вторую часть!

6

Джон подписал Вторую часть Меморандума, такую же краткую и ясную, как и Первая. После этого Феникс достал из папки, лежавшей на столе, конверт, и протянул его Джону:

– Вскрывай!

Джон неумело разорвал конверт и вынул оттуда четыре листа бумаги с текстом.

– Ну-ка, давай посмотрим их вместе, – подсаживаясь поближе, сказал Феникс. Он быстро просмотрел все листы и сказал: «Вот эти я отнес бы к первой группе, а вот этот – ко второй».

Первые три листа содержали задания которые в той, или иной форме сводились к исполнению заказного убийства. Правда, одно из них – наиболее высоко оплачиваемое – требовало не просто убийства, а убийства с особой жестокостью и некоторыми, явно ритуальными чертами.

– Эти предложения неплохие, если хочешь, мы их проанализируем вместе, но, я считаю, тебе крупно повезло! – Феникс возбужденно потирал руки. – Четвертое предложение содержит самый высший приз: «Миллион и Свобода»! Далеко не всегда такой приз оказывается среди поступающих предложений. Советую повнимательнее присмотреться к нему.

Джон взял в руки четвертый лист. Он был озаглавлен:

«КАЗАКИ-РАЗБОЙНИКИ»

Описание игры.

Играющие делятся на две команды: «казаки», или «охотники» и «разбойники». Цель «казаков» – найти и уничтожить «разбойников». Цель «разбойников» – не дать себя найти. Игра проводится в течение ограниченного времени. «Казаки» выигрывают, если им удастся в течение отведенного времени уничтожить всех «разбойников», «разбойники» побеждают, если к моменту окончания игры в живых остается хоть один «разбойник». Команда «разбойников» может состоять из одного человека, команда «казаков-охотников» формируется произвольно.

Игра проводится в различных вариантах: «пейнтбол», когда под «уничтожением» понимается попадание маркером, «фотоохота», когда для целей «уничтожения» используется фото- и видеоружье, наконец, «фулл-контакт», когда игра ведется с применением боевого оружия и на карту ставится жизнь.

Вам предлагается принять участие в качестве «разбойника» в варианте «фулл-контакт». Призовое вознаграждение – «Миллион и Свобода!». (Подробнее в приложении к Контракту.)

Правила игры.

Игра длится, примерно, пять-шесть дней. Двое суток до момента начала игры даются «разбойнику» в качестве форы – за это время он может бежать в любом направлении и любым способом. Для этого ему предоставляются денежные средства, – достаточные, чтобы обеспечить себе все необходимое. В одно из воскресений – Первый день игры, начало отсчета – в эфир выходит первый сигнал (смотри ниже) и начинается розыск, передаются телевизионные обращения и т.д. Одновременно с этим в игру вступают «казаки-охотники». Никакой информацией об «охотниках», даже об их количестве, «разбойник» располагать не будет. «Охотники» имеют право применять любые средства для задержания и уничтожения «разбойника». Полиция, стремясь к задержанию или уничтожению «разбойника», в случае поимки его живьем, передает «разбойника» в свое Центральное управление, откуда ему устраивают «побег» и игра продолжается. Если полиция уничтожит «разбойника», размер призового фонда, полагающегося семье «разбойника» уменьшается в пять раз, по сравнению с тем посмертным призовым фондом, который будет получен, если разбойника уничтожат сами «охотники». Если же «разбойника» уничтожит кто-либо из посторонних граждан, или он погибнет в результате несчастного случая, посмертный призовой фонд уменьшается в десять раз.

Посмертный призовой фонд в случае гибели от рук «охотников» устанавливается в размере 200 000 электрорублей. Семья погибшего получает деньги, новые документы и право проживания в Образцовом поселке.

В случае, если в течение шести дней – до 12 часов шестого дня – «Разбойник» не дал себя уничтожить, он получает вознаграждение в размере 1 000 000 электрорублей, статус «юсфул-пипл», право проживать с семьей на любой территории, включая Внутренний город, и освобождение от ответственности за любые совершенные до этого момента деяния, включая тяжкие преступления, такие как убийство полицейского и т.п.

Поскольку основное условие организаторов игры – ее зрелищность и азартность, позволяющие открыть работу тотализатора, важнейшим правилом является обязанность «разбойника» подавать сигналы о своем местонахождении с помощью устройства, которое будет ему предоставлено. Сигнальная кнопка в виде плоской шайбы, передает в эфир, с двухчасовой задержкой после ее активизации, сигнал, позволяющий зафиксировать местонахождение кнопки. Таким образом, «разбойник» обязан трижды в день: в 7, 12 и 17 часов, устанавливать и активизировать кнопку в любом месте. Через два часа прибор выдаст сигнал в эфир и местонахождение прибора будет запеленговано с высокой точностью. Это позволит не только оживить игру, но и исключит возможность для «разбойника» пассивно отсидеться где-нибудь в глубокой шахте в течение всего времени.

«Разбойник» должен двигаться! Трижды в день он, точнее прибор, будет обнаруживаться, но у «разбойника» будет двухчасовая фора, чтобы успеть уйти в другое место.

По правилам игры, время выхода в эфир – 9, 14 и 19 часов. Допускается отклонение от этого времени, максимум, на 5 минут. Нарушение этого правила ведет к следующему: выход в эфир за пределами установленного интервала – штраф в размере 10% от суммы призового фонда, за не выход в эфир одного из трех ежедневных сигналов – штраф в размере 50%. Повторный невыход в эфир равносителен нарушению договора со всеми предусмотренными репрессивными санкциями.

Семья «разбойника» все время игры находится в Образцовом поселке на полном обеспечении организаторов.

С момента подписания Контракта устанавливается подготовительный период, состоящий из двух частей: «разбойник» поступает в распоряжение инструкторов, которые его тренируют, обучают профессиональным приемам, приводят в норму его физические кондиции, удаляют идентификационный чип и, при необходимости, изменяют внешность, затем ему предоставляется двое суток и пять тысяч рублей на любую подготовку, которую он сочтет нужным провести. Первый период может продолжаться от трех дней до двух недель, в зависимости от степени подготовки «разбойника».

В момент старта «разбойнику» вручаются двадцать тысяч рублей, кнопки-передатчики, идентификационная карточка на новое имя и другие необходимые материалы.

Более подробные условия контрактов, обязанностей сторон, материально-технического обеспечения игры и т.п. содержатся в Приложениях».

7

Джон отложил лист и задумался. Он стал вспоминать, что по телевизору время от времени действительно обращаются к населению с просьбой помочь поймать опасного преступника за вознаграждение, и очень многие увлекаются такими передачами. Сам Джон редко смотрел телевизор и вообще не был азартным. Он даже не смог вспомнить, удавалось поймать тех преступников, или нет.

– Скажи пожалуйста, такие игры давно проводятся? – спросил Джон. – И какова вообще статистика, то есть кто чаще побеждает – «охотники», или «разбойники»?

– Ну, игра проводится два, три раза в год, – ответил Феникс, – а статистика пока пятьдесят на пятьдесят.

– Пятьдесят на пятьдесят... – размышляя вслух, повторил Джон. – Видишь ли, я не уверен, что я справлюсь... Я, конечно, проходил военную подготовку, кое-что помню, но вот, насчет прятаться, замечать следы – этому нас не учили...

– Насчет своих возможностей ты как раз можешь не волноваться. Тестирование показало, что у тебя отличная физическая подготовка, высокая выносливость, превосходная реакция, природная сообразительность, хорошее знание психологии людей, разнообразный жизненный опыт, ты прекрасно разбираешься в технике, на военной подготовке ты всегда стрелял на «отлично». Так что ты – весьма перспективный игрок. Тестирование уже сейчас оценивает твои шансы как предпочтительные: 51 против 49. А ведь мы еще тебя потренируем. Подготовка всегда прибавляет пять-семь пунктов. Так что, на этот счет можешь не волноваться – эта задача тебе вполне по плечу. А прятаться, уходить от слежки и прочее – этому я тебя быстро научу.

– Ладно, допустим, ты в этом прав, – продолжал размышлять Джон, – но ведь, насколько я себе все это представляю, мне придется не просто стрелять, но и убивать, причем, может так получиться, что и ни в чем не повинных людей...

– Невинных людей, говоришь? – резко перебил его Феникс. – А не эти ли невинные люди медленно убивают тебя и твою семью, не эти ли невинные люди сейчас, в эту минуту используют твою жену, а завтра будут использовать твою дочь, а у сына вырежут на продажу глаза, почки, сердце?

– Но полицейские...

– А не полицейский ли вашего квартала заставляет твою жену, возвращающуюся домой после своей страшной работы, каждое утро заходить к нему в будку и, стоя на коленях, расстегивать ему ширинку, чтобы...

– Хватит! – заорал Джон, – Хватит! Я и без тебя знаю, какое дерьмо вся эта жизнь! Я согласен! Давай, ближе к делу!

– Молодец, Джон! Ты сделал правильный выбор! – Феникс порывисто обнял его за плечи. – Мочить их всех! Сволочи! Мочить безжалостно. Это они превратили нашу жизнь в кошмар, а если, случайно, ты отправишь к праотцам действительно невинную жертву, например, ребенка, то и это будет благом делом, ибо для невинного человека самое лучшее в этой проклятой жизни, это ее конец. Да и семьи погибших, кстати, кое-что получают от организаторов игры – это предусмотрено Контрактом.

– Давай его сюда, этот чертов Контракт, и приступим, наконец, к делу, – решительно отрезал Джон.

Игра началась...

8

Джон особенно не вчитывался в Контракт: он был подлиннее предыдущих, не такой простой и понятный, да и очень уж хотелось начать дело. Быстро подписав его во всех местах, указанных Фениксом, Джон спросил:

– Что дальше?

– А дальше вот что. Сейчас мы сюда позовем нотариуса, он заверит все копии, одну оставит у себя, еще одна остается у нас, третий экземпляр в запечатанном виде официально

передается твоей жене, четвертый экземпляр – твой. Можешь передать его на хранение кому угодно, в том числе и нотариусу.

Феникс ненадолго вышел из комнаты, и вскоре вернулся с нотариусом – высоким, чернобородым, смуглым мужчиной, говорившим по-русски с сильным восточным акцентом. Нотариус достал переносной идентификатор, приложил ко лбу Джона, зафиксировал его персональные данные и спросил:

- Гдэ будэм читвиортый экзэмплар храныть?
- Пусть хранится у вас, – ответил Джон.
- Дыругие насылэдники есть?
- Нет. У меня никого больше нет.
- Если насылэдников не будет живых, кому завещать?
- Не знаю...

– Пиредлагаю завещать Фонд помощь сирот имени Абдулла Хамдамов. Ето кароши Фонд.

- Согласен.
- Падпишите здэсь...

Джон подписал.

- И вот здэсь.

Джон подписал и «здэсь». Нотариус собрал все бумаги, пожал Джону руку, очень проникновенно пожелал удачи во всех делах и удалился.

Ну вот... Теперь обратного хода нет...

Джону стало страшно.. Затем вспомнилось раннее детство, вспомнилась мать, стирающая в ванне белье и он, маленький, пускающий рядом с ней в мыльной пене кораблики.

Странно... Мне никогда раньше это не вспоминалось...

Перед глазами мелькнуло лицо младшего братика, тогда еще живого... Потом мертвый братик, лежащий на столе и какая-то старуха в черном, сидящая рядом...

Да это же бабушка!

- Эй, парень, что с тобой? —Феникс тряс Джона за плечо. —Тебе хреново?
- Да, мне что-то... Голова закружилась...

– Нормально, братан, сейчас все пройдет. Тебе надо отдохнуть. У тебя такое напряжение все это время. Давай-ка, поступим следующим образом. Ложись-ка ты лучше спать. Ты уже находишься на попечении Комиссии Яковлева, светлая ему память. Ни о чем не беспокойся. До завтра ты просто отдыхай, спи. Ужином тебя покормят, потом снова спи – до утра. А утром пойдешь домой, два дня тебе дается на подготовку, потом начнем тренировки. Так что пока ничего страшного не происходит. До ужина ложись прямо на этот диван, я тебе дам отличное снотворное —и дави ухо! До ужина еще часа три. Спи спокойно, дорогой товарищ. Ты теперь и впрямь очень дорогой. Ты стоишь миллион – не забывай!

- А я хотел поскорее домой...

– Не стоит, поверь мне. Ты только растратишь силы. А тебе силы надо беречь и приумножать. Я на твоей стороне, ты должен это понимать.

– В каком смысле?

– В самом прямом. Мое вознаграждение напрямую зависит от твоего. Я получаю процент от твоего приза, так что я заинтересован в твоей победе. Мудрые организаторы позаботились о том, чтобы я сам хотел как можно лучше тебя подготовить к игре. А иначе и игра не будет интересной. Если пропадет азарт, пропадет интерес, пропадут деньги... Чтобы был ажиотаж, надо, чтобы результат не был предсказуем, поэтому, шансы пятьдесят на пятьдесят – именно то, что нужно.

– А кто победил последний раз?

– Последний раз? – переспросил Феникс. – «Охотники» победили в последний раз. На шестой день... Я тебе потом все подробно расскажу, научу тебя правильной тактике. Ты пока не волнуйся, спи. Тот парень был намного слабее тебя. Ты должен победить.

Джон проглотил таблетку, предложенную ему Фениксом, запил ее водой, и прилег на диван.

– Телевизор включить? – заботливо спросил Джон.

– Включи, пожалуй, – ответил Джон, – под него лучше засыпать.

– Это точно... – ответил Феникс, включил телевизор и подал пульт Джону. – Выбирай себе пойло по вкусу и засыпай. Лучше всего усыпляют ток-шоу о политике. Ну, я пошел. Часа через три я зайду, – а пока у меня куча дел. Все.

Феникс ушел, а Джон, следуя совету, включил передачу «Говорящие подтяжки», и вскоре действительно заснул, хотя за окном уже светало.

9

Поспав часа четыре, Джон возвратился в ночлежку. Было уже около полудня. Первым его поприветствовал охранник Куц.

– Джон, похоже, ты получил хороший Билет?

– С чего ты взял?

– А к твоим уже приходили. Их собираются переводить в Образцовый поселок.

– А-а-а, вот видишь... Ты уже все знаешь, а я еще нет.

– Да брось ты. Расскажешь потом, а сейчас иди, порадуйся с ними вместе.

Джон не стал терять времени и поспешил вверх по лестнице. Соня, как видно, ждала его. На мгновение ему показалось, что она так же свежа, молода и весела, как много лет назад, когда они только начали встречаться. Но когда она робко приблизилась, не смея обнять его, он прочитал в глазах тот страх и ту боль, что поселились в их семье в последнее время.

– Они уже приходили, Джонни. Я так ничего и не поняла. Они сказали, что нас завтра переведут в Образцовый поселок. Где ты был так долго, ты получил Билет?

– Да, но только Зеленый.

– А что это значит?

– Я все расскажу, но давайте-ка поедим. Я кое-что принес...

Джон поставил на пол два больших пакета с едой, которую он купил в лавочке на Территории. Дети стали быстро подползать к ним, но Соня взяла все в свои руки: прикрикнула на

детей, затем расстелила на полу газету, сверху положила картонку, служившую, как бы поверхностью стола, потом стала выкладывать свертки с едой.

Джонни-младший, которого мать иногда называла на старинный манер Ванечкой, еле сдерживался, чтоб не наброситься на еду первым. Десятилетняя Даша, терпеливо ждала, обняв голодного брата за плечи. Она проявляла удивительное мужество все это время, она даже продолжала заниматься с младшим братом, который успел окончить лишь первый класс, обучая его самым главным вещам: английскому и арифметике.

Все были так голодны, что некоторое время ели молча. Потом Джон, не входя в подробности, рассказал про Комиссию, про тестирование, сказал, что он подписал договор, и они теперь будут жить в Образцовом поселке. Он пока ни словом не обмолвился о том, что ему предстоит делать, да никто его об этом не спрашивал —ведь еще совсем недавно, когда он работал, все было хорошо, так почему бы этому времени снова не вернуться?

И лишь позднее, когда насытившиеся дети уснули на своих газетных лежбищах, он коротко поведал Соне, что именно его ждет.

– Джонни, не делай этого, они тебя убьют, – Соня тихо плакала.

– Другого выхода нет, иначе мы все погибнем. А так есть, все-таки, шанс. И этот шанс – единственный. В любом случае, у вас не будет таких проблем, как сегодня. Для меня это самое главное.

– Да проживем как-нибудь, живут же другие... Может, тебе удастся все-таки найти работу где-нибудь в Стране?

– Я же тебе говорил... Ни в Страну, ни в Милитари-эриа меня не подпустят и близко – я пожизненно лишен лайсенза и попал в списки. Раз мне дали Зеленый билет – это все, конец. И не только для меня. И у тебя, и у наших детей нет никакого будущего, кроме Донорского центра и – Джонни осекся, боясь выговорить страшные слова о том, чем занимается Соня и к чему уже приближалась Даша.

На следующий день они пешком, неся в руках все свое имущество, перешли в Образцовый поселок. Их разместили в отдельной двухкомнатной квартире, выдали необходимые карточки и пропуска. Джон провел с семьей еще одну ночь, а рано утром ушел: предстояло готовиться к «Игре».

Семья, кажется, поняла, что, если кто-нибудь, кто бывает по работе в «Стандарт-Зон» и случайно увидит там их телевидение, скажет, что Джон совершил преступление и его разыскивают, что он сам видел его портрет по ТВ, надо говорить, что тот парень просто похож на нашего Джонни. А наш Джон получил хороший Билет и работает где-то в Стране. Иначе можно снова всего лишиться.

10

Вайся вот уже третий день наслаждался красотой окружающего мира и своим местом в нем. Третий день он стоял у входа в «Метрополь» и перед его глазами проходили и проезжали самые-самые, элита из элит. Как хорошо, что Бог дал ему таких родственников и такую внешность.

Вайся Ким родился и вот уже восемнадцать лет прожил в корейской этник-эриа «Лю-Блин-Оу». Вся его семья работала в теплицах и выращивала овощи. Вайся тоже был занят этим, и не помышлял о перемене работы, но случилось чудо.

Вайся вырос. Да не просто вырос: всего за год он превратился в великана. Он стал выше всех в округе. Отец стал использовать его в качестве грузчика, когда они развозили овощи по магазинам и ресторанам, и вот настал тот день, когда его заметили и предложили работу швейцара в отеле «Метрополь». Это ли не чудо! Это ли не счастье!

Работа не слишком сложна, но, все-таки, знаете ли, требует и внимания и сноровки. Вот, например, Вайся уже заметил, что серебристый лайнер, ждущий зеленого сигнала на светофора, возможно, собирается к нашему входу. Надо быть внимательным.

Так и есть! Машина сворачивает к отелю! Вперед!

Вайся подскочил к автомобилю как раз вовремя: водитель уже остановился, но пассажир дверь еще не начал открывать. Вайся опередил его и с учтивым поклоном открыл заднюю дверцу.

О, вот это да! – Из авто вышла такая красавица, такая элитвумен!

Не глядя на Вайсю она бросила шоферу: «Через тридцать минут» и направилась ко входу в отель. Вайся опередил ее и открыл дверь, снова учтиво кланяясь...

На этот раз он был удостоен взгляда!

Красавица-брюнетка вошла внутрь и на этом Вайсина ответственность прекращалась. Дальше была рабочая зона Питера, а Вайся вернулся в исходную точку, откуда был виден и Большой театр, и другие дворцы, названия которых Вайся еще не знал.

Ни на кого не глядя дама шла через холл. Заметив ее, из кресла у окна вскочил элегантный молодой человек и, протягивая вперед обе руки, подошел:

– О, госпожа Поц, рад вас приветствовать, – и он, склонившись ниже, чем это требовалось для обычного приветствия, поцеловал едва протянутую руку.

– Привет, привет, – ответила дама, – ну, рассказывай, что ты такое придумал?

– Кофе, чай, виски? – спросил молодой человек.

– Ничего, – ответила госпожа Поц. – Сэм, не тяни время. Ближе к делу.

– Тогда присядем? – спросил Сэм.

– Угу.

Госпожа Дуня Поц была одной из самых известных и экстравагантных женщин Москвы. Ее бурная молодость давно перестала служить пищей для пересудов, ибо размеры богатства, унаследованного ею после смерти последнего мужа, были таковы, что говорить и писать о ней можно было только самое хорошее и возвышенное.

– Такого вам еще никто не предлагал, – начал Сэм.

– Ой, не надо! – ответила Дуня.

– Я думаю, что никто...

– Ну?

– Охота.

– Что!?

– О-хо-та, – повторил Сэм.

– Хм... Надеюсь, ты знаешь, что я уже охотилась на все, что угодно. И львы, и тигры, и слоны – все это уже было. Даже на кита. Что же ты такое придумал?

– Я предлагаю охоту на человека, – понизив голос, произнес Сэм.

– Дай прикурить, – Дуня откинулась назад, поэтому Сэму пришлось привстать на одно колено, чтоб удобно было щелкнуть зажигалкой. Дуня затаилась, выпустила первую струйку дыма и ответила: Между прочим, и это тоже было...

– Я знаю... Я знаю и про Африку, и про Молдову, – сказал Сэм, – Но речь идет об охоте здесь, в Москве. Прямо на улицах.

– Рассказывай...

Сэм изложил основные правила игры в «Казачьи-разбойники» и завершил их словами:

– У вас есть возможность стать одним из независимых, тайных охотников, так называемым «Черным Гением». Это будет стоить...

– Я тебя спрашивала о цене?

– Нет, но...

– Отвечай, когда спросят.

– Есть, госпожа Поц.

– Сколько, ты говоришь, этих «черных гениев»?

– Обычно не более трех. Если их больше...

– Сэм! Ты болтлив! Я не спросила «что будет, если их больше»! Меня интересует совершенно другое – могу ли я быть единственным «черным гением»?

– Да. Это наиболее...

– И когда можно начинать?

– Корпорация только вчера подобрала кандидатуру разбойника. Сейчас идет подготовка к игре...

– Я согласна. Ты молодец. Но только, чтоб больше никаких других «гениев». Ни черных, ни белых, ни красных. Договоритесь с корпорацией, чтоб ее охотники не испортили забаву. Пусть они будут егерями, а не охотниками. Обо всем доложишь Герберту. Целуй мизинчик...

Сэм осторожно взял двумя пальцами протянутый мизинец левой руки госпожи Поц и нежно поцеловал его.

«Сиди здесь. Не провожай», – сказала Дуня и столь же решительно, как входила, пересекла холл по направлению к двери, за которой ее уже ждал счастливчик Вайся Ким.

11

Комиссия Яковлева продлила время подготовки. Так что вместо двух недель получился почти месяц.

Джона хорошо кормили, обучали приемам борьбы, способам ухода от погони и слежки, знакомили с оружием и спецсредствами защиты и нападения. Много времени было отведено на изучение Москвы. Джон выучил наизусть все транспортные маршруты, схему метро, схему канализации и много другое, что должно помочь ему не дать себя в руки «казакам-охотникам». Несколько раз его подолгу возили по улицам города, обучали прохождению через контрольные пункты, показывали, как надо пользоваться «ай-ди-кард» и другими вещами, которые знал и умел любой «юсфул-мен».

Джон легко обучался и быстро постигал премудрости подготовки шпиона-диверсанта. Наконец, настал день, когда Джон в сопровождении инструктора подобрал и купил необходимую экипировку. Запомнились мудрые наставления старого офицера спецназовца, которые тот с удовольствием приговаривал, продавая различные спецсредства:

«Запомни основное правило искусства быть невидимым: измени форму. Пользуйся вот этим бесформенным черным балахоном. В нем есть система трубочек, подсоединенных к этой клизме. При нажатии на клизму, они надуваются и принимают ни с чем не соотносимую форму, типа кучи дерьма. Сидя внутри такого балахона в темном углу, или в тени, ты можешь остаться незамеченным, как куча дерьма. Это старинный прием японских ниндзя. Бери балахон. Триста рэ.

«Возьми-ка старый добрый «Каллиган» с глушителем. 25-зарядный, калибр 7,62. Лучше не бывает. Четыре обоймы в комплекте. Сколько дырок я им проделал... Бери – три тысячи рублей».

«Бесшумный автосумпитан, пневматика, стреляет отравленными иглами, компактный. Умещается в нагрудном кармане пиджака, но может отправить на тот свет до пятидесяти человек с одного магазина. Пук-пук – и готово. В комплект входит еще два магазина. Стоит эта радость тоже три тысячи. Помню я однажды в ресторане...».

«Спрэй «Стеллс». Быстро опрыскав лицо, руки – все, что угодно, ты на час становишься невидим для приборов ночного видения и локаторов. Очень полезная вещь – тысяча рубчиков».

«А вот полный джентльменский набор средств электронного подслушивания, сканеры всякие, микрофоны, жучки и прочее. Все скопом отдаю за тысячу. Если умеешь этим пользоваться – очень полезная штука».

«Овечий горох – прекрасное изобретение. Вот эти конфетки, похожие на кофейные зерна, или овечьи говняшки позволяют эффективно уходить от погони. Это бомбочки. Одна способна подбросить в воздух и пару раз перевернуть мчащийся за тобой грузовик. А вот к ним пусковая система. Тоже похожа на авторучку. Ее надо приложить к днищу твоего автомобиля, повернуть вот здесь, она просверлит в днище дырку и начнет туда класть свои смертоносные яйца. На скорости 150 – 200 км/час и расстоянии от преследователя порядка 30 метров его гибель неизбежна».

«Правило второго хода: продумывай сразу не только как добраться до намеченного места, но и как оттуда уйти, и куда. Планируй свое движение на два хода...»

«Вот еще замечательная штучка: «Альпен-пен». Допустим, тебе надо перебраться из одного здания в другое. Ты, находишься, например, на пятнадцатом этаже. Берешь вот эту фигню, похожую на толстенную авторучку, высовываешься из окна, приставляешь вот этот конец к стене, второй конец нацеливаешь на дом и этаж, в который тебе надо забраться. И нажимаешь вот эту кнопку. Прибор сам определит расстояние, выпустит из себя тонкий но сверхпрочный леер, один конец которого намертво вопьется в точку прицеливания, а второй закрепится на твоей стене. Произойдет это за секунду. А потом ты только держись покрепче за эту «авторучку» и она тебя быстро и бесшумно доставит на другую сторону. Ее также точно можно использовать для подъема на любую высоту: прицелился, она выстрелит, закрепится, и потащит тебя вверх. Советую взять таких штучек не менее четырех. Как раз на две тысячи наличными».

Штучки замечательные, да вот знать бы — понадобятся ли они?

В процессе подготовки Джона, конечно, посещали мысли и о том, из-за которого он оказался за бортом.

«О, если удастся пробраться во внутренний город... Повстречать бы эту суку, этого элитмена, который поломал всю жизнь... Да-а-а... Но за это семья будет подвергнута самым изощренным и жестоким наказаниям... Уж лучше, тогда, и не начинать всю эту бодягу. Вот прихлопнуть кого-нибудь из жирных котов по правилам игры – это было бы здорово!»

С Джоном проводили занятия по стратегии игры. Рассматривались всевозможные варианты тактики запутывания противника алогичной расстановкой сигнальных кнопок, анализировали возможные варианты контрстратегии «охотников».

«Моё спасение, видимо, канализация, тоннели метро...»

«За сутки, конечно, можно смыться довольно далеко, – но какой смысл? Допустим, мне удастся уйти незамеченным куда-нибудь в пустынный район Подмосковья. Затем надо будет выйти в эфир, и меня запеленгуют. Куда я там денусь? Там ведь и людей почти нет... Так что, лучше всего прятаться в Москве. Да и знаю я ее теперь вполне прилично.»

Джон бывал в Москве в детстве. Еще двадцать пять лет тому назад, до того, как построили Стену, можно было иногда попасть даже во Внутренний город. Он помнил и Кремль, и Красную площадь, помнил красивые дома, бульвары, но больше всего он запомнил витрины магазинов – вот это был волшебный мир: настоящая сказка! В самих магазинах он, конечно, не был.

Теперь во Внутренний город, где жили только элитмены, таким как Джон попасть было можно только получив там работу, но это было практически невозможно. Для этого мало стать «юсфул-пипл». Все, кто были заняты на обслуживании жителей Внутреннего города, были отобраны давно и тщательно, с тех пор места передавались только по наследству и под строгим контролем. Жили эти счастливики в огороженных спальнях районах между Внутренним городом и Большим Кольцом.

Внутри Большого кольца Джону приходилось въезжать довольно часто, пока он работал. Здесь жили юсфул-пиплы, здесь располагались Стандарт-Зоны, здесь были и разные «этник-эриа»: чайна-тауны, азер-риджены, таджик-аулы, казбек-анклавы и множество других национальных образований, живших достаточно обособленно.

А вот в Стандарт-Зонах все было перемешано – там жили самые разные народы. Сюда же допускали и русских, добившихся статуса «юсфул-пипл».

За Большим кольцом, в пределах стокилометрового Биг Ринга жил весь остальной пипл: сервинги, шопники, воркманы, то есть все те, у кого была работа, а также и безработные, да и все остальные, кому в жизни улыбнулась неудача.

Биг Ринг окружала «Милитари Эриа», за которой была Страна. Оттуда приходили грузы, туда улетали самолеты и Джон слышал много невероятных историй о жителях Страны, об их городах, но сам там никогда не был, да и не хотел побывать, поскольку там почти повсюду шла война с этим кошмаром XXI века – «Братьями».

13

Последний день подготовки прошел в занятиях по стрельбе и знанию местности. Занятия проводились на одной из баз на Юго-западе Москвы.

– Ну, вот и все, – сказал Инструктор, – теперь у тебя два дня: на отдых, на подготовку к старту, на девочек – на что хочешь! Думаю, это будут два самых счастливых дня в твоей жизни. Бабки есть, а угроз нет – живи как элитмен и ни в чем себе не отказывай.

С этими словами Инструктор хлопнул Джона по плечу, потом пожал руку и добавил: «Удачи тебе, парень».

Джон впервые вышел на улицу без инструкторов. Моросил мелкий дождь.

Прохожих было мало. Район ему был знаком теоретически, он знал, что это Стандарт-Зон «Бель-Яй», когда-то называемый «Беляево». Джон заметил впереди магазин и поспешил к нему.

Это был маленький продовольственный магазинчик. Стандартный магазин для Стандарт-Зон. Слева от входа за стойкой с кассовым аппаратом сидел улыбающийся китаец. Или кореец – Джон не особенно-то умел их отличать. Узкоглазый улыбался и говорил по телефону. Увидев Джона он жестом показал ему – «Добро пожаловать». Джон прошел внутрь и двинулся вдоль двух высоких стоек, на полках которых стояли баночки, коробочки, пакетики, в которых были упакованы специи, лапша, печенье и прочие продукты, доступные юсфул-пилам.

Пройдя вглубь, Джон осмелился вынуть из кармана свой новый документ: идентификационную карту – «ай-ди-кард». Она же являлась и платежной картой. Кроме фотографии Джона там были его номера, какие-то другие цифры и символы. Вместо его подлинного имени было написано «Джон Борз», в графе «статус» было написано «юсфул пипл».

«Ну, вот и дожил...»

Джон выбрал небольшую пачку несладкого печенья, пакетик чипсов и банку пива «Чубик» с улыбающимся портретом рыжего парня, чья рожа в виде электрической лампочки не сходила с экранов ТВ уже не один десяток лет.

К китайцу Джон подходил со страхом: он никогда еще ничего не покупал в магазинах для юсфул-пипл. А вдруг что-нибудь случится?

Китаец, улыбаясь, упаковал покупки Джона в бумажный пакет, улыбаясь сказал «пасиба», улыбаясь взял ай-ди-кард и, продолжая улыбаться, стал ее разглядывать, время от времени поднимая глаза на Джона. Время шло, но азиат продолжал что-то читать и разглядывать. Потом он вдруг спросил:

– Сестой зон?

– Что? – переспросил Джон.

– Зивете в сестой зон? – тыча пальцем в ай-ди-кард, продолжил китаец.

– А... – вспомнил инструктаж Джон. – Да, я живу в шестой Стандарт-Зоне «Перово», ну – «Пьеров».

– Пасиба, – и китаец наконец-то вставил карту в аппарат. Выполз чек, продавец вложил его в пакет и снова сказал, – Пасиба.

«Да, – подумал Джон, – бдительность на высоте. Надо же, собака, сразу заметил, что я не из их района. Что же будет, когда мою рожу растиражируют по всем каналам? И ведь это не этник-эриа, где чужака замечают сходу. Надо будет все это учитывать. А пока...»

А пока можно спокойно брести по улице, потягивать пивко и похрустывать чипсами. Пока Джон Деми, он же Джон Борз самый счастливый юсфул-мен в мире.

По дороге неслись автомобили, по тротуарам ходили люди, дождь перестал... Вскоре Джон добрался до входа в метро.

Уже гораздо увереннее, чем в магазине, он вставил свою карту в автоматический турникет и преспокойно прошел внутрь. Дежурный мент не обратил на него никакого внимания, толпа вынесла Джона на перрон и он, со все возрастающим чувством уверенности и единения с этими ненавистными юсфул-пиплами, понесся под землей великого и ужасного города.

Через час с небольшим на выходе в «Стандарт-Зон» «Любыйрц» – бывшие «Люберцы» – он снова вставил карту в прорезь турникета и вышел на свет Божий.

«Домой, скорее домой»

Воспользовавшись точно таким же стандартным магазином, Джон набрал побольше еды и питья и, снова предъявив свою ай-ди-карту охраннику на выходе из «Стандарт-Зон», оказался на платформе электрички. До Джук-Коу оставалось пол часа езды.

14

Наступило первое за пол года утро, когда не страшно было просыпаться: вся семья дома. Соня уже встала и кормила детей на кухне. Джон слушал их голоса, и ему уже не было так тревожно думать о предстоящей игре. Любой исход оправдан, если у детей жизнь сложится нормально.

В запасе у него было два дня. В воскресенье утром он уже должен будет подать первый сигнал и начать убегать. А эти два дня надо потратить на подготовку. Прежде всего, надо поговорить с Колей Сорокой. Он мужик опытный и много всего знает.

Коля Сорока был инвалидом. Когда-то он был бортинженером, а теперь он стал инвалидом и работал в небольшой пивнушке у входа в парк.

Утром в пивнушке «От винта!» никого еще не было. Коля сидел за барной стойкой и говорил с кем-то по телефону. Поприветствовав Джона жестом, он продолжил разговор о количестве ящиков пива и коробок с чипсами. Джон сел напротив и стал ждать. Коля время от времени глазами и плечами показывал – извини, брат! Потом, не прекращая разговора, даже налил ему стаканчик пива.

Наконец, разговор закончился, и Коля протянул руку:

- Здорово, братан! Я слышал, у тебя дела стали налаживаться?
- Да, как тебе сказать...
- Что значит «как сказать»? Я видел твою семью здесь, в Образцовом поселке...
- Это верно. Но я хотел с тобой посоветоваться.
- Кафе закрыть?
- Пожалуй, да. Разговор серьезный.

Коля поковылял на своем протезе к двери, запер ее, вывесил табличку «Закрыто» и пригласил Джона в подсобку.

– Пиво захвати, – сказал он.

В подсобке, которая была еще и кабинетом и складом, они уселись возле письменного стола. Коля достал еще один стакан и две банки пива «Чубик №8».

– Я вот это больше всего люблю. Оно пшеничное, попробуй, – Коля пододвинул одну банку Джону, из другой наполнил свой стакан. – Ну, рассказывай.

Джон рассказал все по порядку. Коля слушал, возбуждаясь почти на каждом эпизоде. Его комментарии были краткими и эмоциональными: «Вот сука!», «Да я б его!», «Шоб он издох, говно такое!» и так далее.

Наконец, Джон закончил и сказал:

– Сам понимаешь – никому ни слова. Что посоветуешь?

Коля ответил:

– М-да... Кинут они тебя, ой кинут. У них же ничего святого. Это же уроды. Они за бабки удавятся.

– Коля, это понятно. Ты, конечно, прав, но я уже ввязался. Мне нужна помощь. Чем ты можешь помочь? Ну, например, я тут думал... насчет других документов.

– Документики? – Коля хмыкнул. – Это ж, брат, денег стоит...

– Деньги у меня есть.

– Ладно. Послушай... Сделаем так. Я тебя сведу с одним ... инженером. Как вы с ним договоритесь – дело ваше, меня не касается. Одно могу сказать – парень надежный. Никогда не проболтается и, главное, может очень многое, – и многозначительно добавил, – О-о-чень многое!

– Давай, знакомь. Только побыстрее.

– Да прямо сейчас к нему и зайдем.

Коля с Джоном прошли через парк, и подошли к школе, в которой ужу вторую неделю учились его дети.

– Он здесь при спортзале. Тренер по борьбе. Зовут его Роман Владимирович. Он нас с тобой постарше. Мы когда-то вместе... Короче, я его знаю давно. Сюда иди – тут к нему отдельный вход есть.

Вскоре все трое сидели в маленькой комнатенке с табличкой на двери «Тренерская».

– Привет, Рома. Тут у человека к тебе дело есть. Помоги ему. Он сам тебе все расскажет, а мне идти надо – там ведь никого нет, а скоро пиво привезут.

– Хорошо, Коля, иди... Не беспокойся, мы во всем разберемся, – сказал Роман и протянул Джону руку. – Роман Владимирович.

– Джон, – ответил Джон.

– Что, и вправду Джон? – улыбнулся Роман.

– Ну, нет, конечно... Иван, вообще-то, – улыбнулся в ответ Джон, – но так привычнее.

– Да, насадили нам привычек – мало не покажется. Так что за проблема?

Джон второй раз за утро поведал свою историю. Роман Владимирович слушал, не перебивая, только один раз посмотрел на часы.

– Да, история типичная, – прореагировал Роман Владимирович, – не вы первый, не вы, увы, последний. Эта система порождала и будет порождать и не такие уродства и жестокости. Вот вы, когда работали авиамехаником, небось, думали, что так будет всегда, что ваше благосостояние в ваших руках, так?

– Так... Не один я так думал.

– Верно. Большинство, к сожалению так думает. А бороться за свои права, за свою свободу вы не думали?

- Раньше не думал, а теперь... Да и как бороться?
- Ну, так называемые «Братья» борются...
- Да где они там борются? Где-то в Стране? По лесам прячутся...
- Ну, Ваня, положим, о «Братях» ты ничего толком и не знаешь. Не только в лесах они прячутся. Может, я тебе что-нибудь и расскажу попозже. Сейчас давай решать вопрос с документами. Сделаем мы тебе «ай-ди-кард». Завтра будет готова. Кроме того, надо тебе еще кое-что рассказать и показать. Приходи вечером на берег возле Наркомвода. Ты рыбу удить любишь?
- Да не удил никогда...
- Вот и попробуешь. Удочку я для тебя возьму. Часам к восьми приходи – вечернюю зорьку застанем.

Последние два дня Джон провел с семьей и Романом Владимировичем, рассказавшим ему много необыкновенного.

Но, кроме интересных бесед, Роман снабдил Джона как документами, так и адресами «на всякий случай».

15

День Первый: ВОСКРЕСЕНЬЕ

7 часов.

Джон решил заложить свою первую сигнальную кнопку в районе метро «Ви-Хин». (*«Выхино», конечно...*) Здесь достаточно многолюдно, хорошие транспортные возможности: есть и метро, и электричка, и множество автобусов, расходящихся в разные стороны.

Сигнальная кнопка была размером с монету и легко приклеивалась к любой поверхности – достаточно было снять тонкую пленку. После этого надо было надавить на нее и просчитать до трех: через два часа сигнал пойдет в пространство, достигнет спутника, оттуда поступит на центральный пульт и укажет точные координаты кнопки.

«Конечно, эти сволочи могут и обманывать насчет двух часов. А, может быть, сигнал вылетает сразу же, и они уже знают, где я нахожусь? Вот и посмотрим...»

Сначала Джон зашел в стекляшку, торгующую обувью и одеждой, что стояла напротив. С четверть часа он наблюдал за кнопкой и проходящими мимо нее людьми, делая при этом вид, что он выбирает одежду.

Вот, наконец, возле кнопки остановился подозрительный мужчина. Он закурил, потом стал внимательно осматриваться по сторонам.

Потом достал мобильник...

Джон напрягся, размышляя о том, что делать, когда его начнут «брать».

«Надо же так лопухнуться. Из стекляшки всего один выход, он же вход. Вот дурак. Вот сволочи, обманули-таки... Прошло-то всего пол часа».

В это время к мужчине подошла дама, они поцеловались, и, держа друг друга под руку, скрылись в тоннеле под железнодорожными линиями...

«Пронесло, что ли?»

Некоторое время Джон гулял по площади, окружавшей метро и железнодорожную станцию, выяснил направления маршрутов и расписание электричек, потом, ближе к 9 часам – вре-

мени, когда сигнал должен выйти в эфир, Джон направился в заранее намеченное «укрытие» кафетерий-стекляшку с громким названием «Ницца» и сел у окна. Заказав завтрак и свежую газету, он наблюдал, завтракал и читал газету одновременно. О нем в газете пока ничего не писали.

Ни бармен, ни девушка, подававшая еду, не обращали на него никакого внимания: в эти утренние часы народу было много. Кафетерий был расположен удачно – здесь, идя на работу, завтракали многие.

Без четверти 10 к закладке подошел мужик, похожий на рабочего метрополитена. В руке у него было что-то, похожее на мобильный телефон. Похоже, что это датчик – по нему он определяет точное местонахождение закладки.

Нашел. Отодрал «шайбу» от стены, к которой Джон ее приклеил. Ушел. К нему никто не подходил и он ни с кем не общался. Скрылся из виду.

«Нет, я за ним не пойду. Посижу еще немного, расплачусь и уйду».

Выйдя из кафе, Джон огляделся, надеясь увидеть этого мужика или что-нибудь похожее на слежку, но ничего, кроме потоков спешащих «юсфул-пипл» не увидел.

Пройдя метров сто до остановки автобуса, Джон остановился, оглянулся еще раз, но снова ничего подозрительного не обнаружил.

Подошедший автобус довез его до Кузьмин-Парк. Вход в парк был свободным, документы не проверяли. На этой же остановке вышла только немолодая женщина с ребенком. Так что слежки, вроде бы, не было...

Погуляв по парку и посидев на скамейке, Джон направился в обратный путь и к 12 часам снова был рядом с метро «Ви-Хин».

12 часов, 1-й день.

Вторую закладку Джон установил недалеко от другого выхода из длинного тоннеля. За этой точкой он мог наблюдать из окон многоэтажного торгового центра. Уже в половине третьего Джон заметил того самого «рабочего»: он еще не подошел к месту закладки, но, как стало ясно потом, уже туда направлялся. «Рабочий», прежде чем подойти к точке и забрать закладку, разговаривал с молодым человеком в джинсовой куртке. Затем к этому молодому человеку подошел мужик в пиджаке. Джон постарался их запомнить. Кроме того, он обратил внимание на двух женщин, который болтались по платформе еще с утра и все никуда не уезжали.

Джон продолжал гулять по роскошному, как ему казалось, торговому центру. Его видоизмененная внешность – парик, очки, накладные усы – придавали ему вид типичного жителя «Стандарт-Зон», предающегося обычному занятию в свободное время: шоппингу. Одет он был прилично, но незаметно: серенькую куртку поверх серой же майки, джинсы, кроссовки. В кармане ай-ди-кард на имя Николая Бердо с соответствующей фотографией и чипом. Этим его снабдили подпольщики из Джук-Коу.

Понаблюдав за площадью и передвижениями людей еще некоторое время, Джон вышел из торгового центра, сел в автобус и уехал в Перово. До следующей закладки оставалось более двух часов. Джон решил более не рисковать и не ставить закладку еще раз в Выхино. Он решил провести первую ночь в безлюдном и огромном Измаил-Парке, поэтому его первым желанием было «навести преследователей на ложный след», то есть установить третью закладку в противоположном направлении, где-нибудь в Кузьмин-Парк, или в Капотне... Потом он вспомнил, что они тоже не дураки и поймут, что, раз он указал направление движения на юг, то на самом деле, отправился в другую сторону, например, в Измайлово...

17 часов, 1-й день.

«Нет, все подобные рассуждения слишком примитивны. Все эти глупости проходят пока меня просто не начали по настоящему искать. Вот когда пойдет облава, мало не покажется...»

В пять часов пополудни Джон оказался на пересечении Нью-Гирей стрит и Энтьюзи-аст-Роуд. Прилепив «шайбу» к обратной стороне решетки, окружавшей территорию больницы, он пересек шоссе и, подождав автобус, идущий в центр, сел в него.

На следующей остановке выходило много пассажиров. Надеясь остаться незамеченным, с ними вместе вышел и Джон. Вскоре он углубился в дебри Измаил-Парка.

Сначала он шел по хорошей, асфальтированной дорожке, затем свернул на грунтовую тропу. Она привела его к большому пруду. Здесь было не то чтобы много народу, но, все-таки, то там, то сям на лавочках сидели старички, у воды притаились рыболовы. Обойдя озеро, Джон снова пошел по асфальтированной дорожке, время от времени, сворачивая с нее в лес, потом снова возвращаясь. Так он заприметил несколько мест, подходящих для ночлега. Одно из них показалось Джону просто идеальным: в заболоченной низине, густо заросшей кустарником, нашелся сухонький островок, в центре которого кусты образовали подобие шалаша. Добраться туда было непросто. Пока Джон нащупал проход, он изрядно вымазался в грязи. Потом он, правда, очистился и обсох, а место постарался запомнить.

16

В момент выхода сигнала в эфир Джон покидал Измаил-Парк и входил в пределы одной из самых больших «этник-эриа» – Измайлово. Это был «азер-риджен», то есть считалось, что здесь живут азербайджанцы. Это было верно лишь отчасти. Правильнее было бы говорить, что здесь живут мусульмане, ибо азербайджанцы хоть и составляли большинство, но жили здесь и многие другие народы – турки, арабы, чеченцы и многие иные. Конечно, как и во всех этник-эриа проживало тут и некоторое количество русских и прочих не мусульманских народов.

Джон не смог прочесть название ресторана, написанное арабской вязью, но запах из него шел приятный. Посетителей было довольно много, в основном, это были местные жители, но Джон заметил и нескольких парней со славянской внешностью. На него пока никто внимания не обращал. Джон, подсматривая за завсегдатаями, взял со стойки бара пиалу с пловом, бросил сверху несколько веточек зелени с общего подноса, молча протянул свою карточку бармену и отошел в угол, откуда был виден зал и, главное, телевизор.

К 19 30 рестораник был полон: начиналось телевизионное шоу «Беглец»

Пронзительно зазвучали фанфары, замелькали кадры заставки, состоящей из быстро меняющихся жутких портретов убийц, насильников и растерзанных ими тел. Потом крупным планом появилось лицо знаменитой «ночной крысы» Люси Сорг. Ее агрессивно раскрашенная рожа, истерично-напористая манера речи, легкое пришепетывание и изредка появляющееся заикание были знакомы, наверное, всей стране.

– Д-да-да! Это снова случилось! В-в нашу с вами с таким трудом завоеванную мирную жизнь опять ворвалось зло. Наши дети снова в-в опасности. В-вот оно, смотрите, запоминайте!

С этими словами на экране появился портрет Джона в гриме Николая Бердо.

– Оглянитесь вокруг! Он здесь. Монстр рядом с вами. Где с-сейчас ваша дочь? Убедитесь, что она в-в безопасности, иначе с ней может произойти то, что этот м-монстр сделал сегодня с десятилетней Энни Дорн.

Появляется портрет очаровательной улыбающейся девочки. Затем фотография с куклой на руках, потом Энни играющая с кошкой.

– До сегодняшнего дня эта девочка и ее родители были с-счастливы и, казалось, ничто не угрожало им. С-счастливая с-семья юсфул-пипл из Стандарт-Зон «Пьеров». Еще сегодня утром м-мама проводила свою единственную Энни в пипл-скул, а папа, уходя на работу, пообещал ей вечером сходить вместе в п-парк аттракционов.

Фотографии Энни с родителями.

– Но этого не будет. Этого н-не будет уже никогда. Безжалостный м-монстр подстерег ребенка и, затащив девочку в подвал ремонтируемого дома, н-надругался над ней, а затем убил ее. Убил жестоко. Смотрите, смотрите что он с ней сделал!

Фотография растерзанного детского трупика, изуродованное личико.

– Где он сейчас? Не убивает ли он сейчас вашу дочь? От нас с вами зависит, как быстро мы уничтожим чудовище. Запомните его!

Портрет Джона.

– Запомните эту мерзкую рожу и оглянитесь вокруг. Он здесь, он рядом с вами.

Джон поежился и склонился над пиалой, следя глазами за посетителями ресторана. Все, не отрываясь, глядели на экран и что-то галдели на непонятном Джону языке. Ведущая продолжала:

– Чудовище видели сегодня в районе «Ви-Хин». Наш корреспондент Антон Зирокс на связи. Антон?

– Люси?

– Антон?

– Люси?

– Антон, вы в эфире.

– Меня слышно?

– Да, Антон, вы в эфире.

– Меня уже слышно?

– Да, мы вас слышим, Антон. Правда ли, что монстра видели сегодня в районе «Ви-Хин»?

– Да, мы находимся рядом с метро «Ви-Хин». Здесь сегодня видели Джона Борза, маньяка, которому удалось сбежать из колонии и проникнуть в город. Вот что говорит продавщица газетного киоска. Марина, вы видели сегодня этого человека?

Молоденькая продавщица газет в синей униформе. Разглядывает фотографию.

– Да, я его видела сегодня днем. Покупал газеты.

– Он что-нибудь говорил?

–Нет, он просто попросил газету.

–Какую газету он попросил?

–Кажется, «МК»...

–Вы уверены? Может быть, это была другая газета?

–Нет, это точно была «МК».

–А что было потом?

–Ну, потом он ушел...

–Куда?

- Ну, я не знаю...
- Он направился в метро, на автобус?
- Я не помню. Кажется, он пошел туда...
- Хорошо, Марина, не волнуйтесь.
- Антон? – к разговору подключается ведущая.
- Люси?
- Антон, был ли преступник один?
- Плохо тебя слышу...
- Я спрашиваю, он был один?
- Да я не знаю...
- Спросите у продавщицы, был ли преступник один?
- А-а, понял. Марина, зрители спрашивают, преступник был один?
- Да нет, я почти все газеты сегодня продала...
- Люси?
- Антон?
- Марина говорит, что покупателей было много, почти все газеты уже проданы.
- Антон, спросите еще раз, преступник, когда покупал газету, был один, или с ним был кто-то еще? – теряя терпение, спрашивает ведущая.
- Марина, зрители спрашивают, этот человек, когда покупал газету, был один, или с ним был кто-то еще? – повторяет вопрос корреспондент.

На экране снова лицо ведущей – Люси Сорг:

– Мы возвращаемся в студию. Наш корреспондент Антон Зирокс продолжает оставаться на связи в районе метро «Ви-Хин». Как ему удалось выяснить, негодяй сегодня купил газету, предположительно, «МК» в газетном киоске рядом с метро «Выхино», после чего скрылся в неизвестном направлении. Где он сейчас – неизвестно. Полиция и спецслужбы прочесывают город. Будьте бдительны! Только ваше содействие поможет обезвредить преступника. У нас в студии майор Железный. Господин майор, какие меры приняты для розыска преступника?

Появляется лысая голова майора.

– По всему городу введен план «Перехват», задействованы все оперативные службы. Контроль над операцией взял на себя лично Министр безопасности господин генерал-полковник Дуля.

– Как вы считаете, господин майор, как долго может продлиться розыск преступника.?

– Это зависит от многих факторов... Спецслужбы сделают все, что полагается делать в таких случаях, чтобы обнаружить и обезвредить преступника.

– Господин майор, что вы скажете нашим телезрителям? Как посоветуете себя вести в этих трагических обстоятельствах?

– Прежде всего, следует соблюдать спокойствие и быть бдительными. Внимательно присмотритесь ко всем, кто вас окружает. Обо всех подозрительных случаях сообщайте по телефону полиции.

– Спасибо, господин майор. У нас в студии был майор безопасности господин Железный. А теперь мнение эксперта-криминалиста Аделины Рагги, с которой сегодня удалось побеседовать нашему корреспонденту Сильвике Шаш.

На экране полная дама, сидящая у компьютера.

– Госпожа Рагги, – спрашивает за кадром женский голос, – что вы посоветуете нашим зрителям.?

– Нами разработана программа, позволяющая моделировать внешность.

– Поясните, пожалуйста, что это значит?

– Это значит, что мы можем смоделировать, как преступник может выглядеть, если он решил изменить свою внешность.

– У вас уже есть какие-нибудь результаты.

– Да, мы их уже передали спецслужбам.

– Вы не могли бы их показать нашим зрителям, ведь они тоже участвуют в розыске?

– Да, пожалуйста...

На экране появляется портрет Николая Бердо. Потом он превращается в лысого Джона, потом в бородатого, потом усатого в шляпе... Таких искаженных Джонов возникает около десятка.

Среди них и тот Джон, который сидит в дальнем углу ресторана!

Публика в ресторане галдела, телевизор продолжал приковывать внимание, но Джону стало страшно.

Телешоу продолжалось. В студию приглашались артисты и политические деятели, атмосфера нагнеталась. Время от времени снова и снова показывали фотографии убитой девочки, потом фотографии Джона, в том числе и с его настоящей внешностью. Потом стали озвучивать результаты первых ставок. Публика оживилась.

– Итак, продавщица газетного киоска получила первый приз – за бдительность. Ей уже вручено 500 электрорублей! Скоро мы вам покажем, как это происходило. Корпорация «Крис Емец» назначила приз в размере 1000 электрорублей за любую информацию о местонахождении преступника. Мэр города назначил приз в 50 за поимку, или уничтожение преступника. Ожидаются дополнительные призы от... Вот только что поступило сообщение... Газета «МК» назначила приз в 10 тому, кто угадает через сколько часов преступник будет пойман, или уничтожен... Вот еще сообщения... Мистер Оули назначает приз в 5000 тому, кто угадает район города, где преступник будет обезврежен... Сейчас у нас на связи букмекерская контора «Гайд-Ар».

– Господа, сейчас ставки принимаются по следующим номинациям...

Ажиотаж в ресторане нарастал. Народ дружно подключился к игре. Джон решил воспользоваться моментом и незаметно уйти.

17

Оказалось, что телевизор есть даже в туалете ресторана. Взглянув на экран, Джон узнал, что ставки на его поимку и уничтожение не позднее 7 часов утра принимаются 100 к 1 – никто не верит, что ему удастся продержаться так долго.

В туалет кто-то входит и становится рядом с настенным писсуаром. Повернувшись к Джону, он говорит: «Я бы этот бандит сам зарезал. Скотина такой. Он скоро поймают. До двенадцать часов. Я поставил на полицию, а ты?»

Джон взглянул в его сторону, но лучше бы он этого не делал. Обе руки черноглазого мужчины с тонкими усиками оставались заняты обслуживанием физиологического процесса,

который никак не удавалось завершить, а в горле застрял вопль! Джон понял, что уже узнан и страх парализовал его – что делать? Неужели все так быстро и так бездарно закончилось?!

– А-а-а! – раздается дикий вопль, вырвавшийся, наконец, из груди черноглазого.

От этого вопля Джон вышел из оцепенения. Решение пришло мгновенно: он резко ударил орущего в печень, тот согнулся и звуки приобрели хлюпающий характер, потом Джон несколько раз ударил его по затылку. Парень стал обмякать и Джон едва успел втолкнуть его в кабинку.

В туалет кто-то вошел. Двое, или трое. Они оживленно разговаривали. Спор шел все о том же: продержится негодяй до утра, или нет. Вспоминали предыдущую поимку преступника. Того застрелили на второй день.

Джон затаился, стараясь не выдать своего присутствия. Вдруг черноглазый стал шумно дышать и постанывать.

Посетители продолжали болтать, мыть руки, зашумел вентилятор.

Джон грохнул кулаком в темя и парень снова затих.

«Старайся не оставлять никаких свидетелей. Они – твоя смерть».

Джон достал нож и обнажил лезвие. Потом раздумал убивать этого придурка и усадил его между унитазом и стенкой, прислонив тело к сливному бачку и стене. Грохнул еще раз по башке. Парень явно был в глубоком нокауте. «Минут двадцать, а то и больше, так пролежит». Джон закрыл кабинку на засов изнутри, перелез в соседнюю, а из нее вышел.

Покинув кафе, Джон, отошел в сторону и свернул в первый попавшийся двор.

Инстинкт призывал его бежать, прятаться, зарыться в нору, но разум говорил – иди медленно, не привлекай внимания. Прогуливайся, как житель этого района.

Джон представлял себе, как тот черноглазый с усиками все еще лежит в кабинке. А, может, он уже пришел в себя, выполз из кабинки, и всем рассказывает про «монстра, который его чуть не убил».

А надо было его, все-таки, прикончить! Он-то тебя не пожалеет!!

Оставалось пройти через двор, и – в парк!

Уже стало темно, только из окон жилых домов свет пробивался сквозь листву деревьев и освещал двор. Из раскрытых окон доносились звуки телевизоров – казалось, весь город смотрит одно и то же: «Беглец-Шоу»! Во дворах не было никого.

Джону показалось, что где-то в той стороне, откуда он шел, уже раздаются возгласы. «Неужели уже его нашли?» Хотя, может, это просто воображение разыгралось?

Но в эту минуту раздался резкий окрик:

– Джон!!!

И из темноты на Джона бросилось что-то тяжелое и свалило его.

– Не пойму, что на него нашло... Такой всегда спокойный. Джонни, мальчик мой, – старушка гладила огромного черного пса по голове, – как же ты мужчину напугал. Мне за тебя так стыдно.

Старушка, чья собака свалила Джона с ног, пригласила его в дом и угощала чаем.

– Ну, как вы себя чувствуете? Уже получше?

– Да, спасибо, кажется, отошел...

– Вы уж нас простите, ума не приложу, с чего это он набросился.

– Да я, видно, сам виноват. Вышел так неожиданно из-за кустов, вот пес и бросился. У него же инстинкт.

– Да, уж. Дурак такой, – старуха шутливо замахнула на собаку, – А вы выпейте еще чайку. Вы не слишком торопитесь? А то мне, старухе так одиноко, сам Бог вас послал. Стариковские вечера длинные, безрадостные.

– А что ж вы телевизор не смотрите?

– А я телевизор не люблю. Вон он стоит, да я и не помню, когда включала. Вот внучка если заходит, она смотрит, а мне все это не интересно. Если хотите, я включу, посмотрите, что вам нравится.

– Нет-нет, – поспешил отказаться Джон, – я тоже телевизор не люблю.

«Идеальное место, – думал Джон, – здесь можно было бы до утра просидеть в полной безопасности. Да и старушка такая милая... Но, увы, рано или поздно, но уходить придется».

– Ну, Тамара Степановна, я, пожалуй, пойду, – Джон встал и направился в коридор. – Уже первый час, так можно и на метро опоздать.

– Да не беспокойтесь, в метро до половины второго войти можно. Мне внучка так сказала: если до половины второго внутрь вошел, то уж до любой станции доберешься.

– Спасибо вам за чай.

– Ой, да за что там благодарить. Это вы меня простите за собаку.

– До свидания.

– До свидания.

Джон вышел в подъезд и стал медленно спускаться по лестнице. Старушка закрыла дверь, и Джон стал вслушиваться в тишину безлюдного подъезда. Из-за некоторых дверей доносились звуки телевизоров, но в большинстве квартир уже спали.

Джон сел на ступеньки и некоторое время размышлял о том, что же лучше всего сейчас предпринять.

Сквозь выходящие во двор окна подъезда донесся шум автомобильного мотора, потом к подъезду подъехал полицейский джип. Лучи от вращающихся на крыше фонариков забегали по стенам.

Джип остановился напротив подъезда, из него вышло двое полицейских с собакой. Обойдя весь двор по периметру, заглянув под каждый куст, они вернулись к машине. Затем один из них подошел к двери подъезда и стал дергать за ручку.

Джон проверил на месте ли пистолет и с грустью представил себе ужас и разочарование милой старушки Тамары Степановны, когда после стрельбы в подъезде она в трупе убитого бандита узнает ее сегодняшнего гостя...

Но полицейский, подергав запертую дверь, что-то негромко сказал своему напарнику, и они вернулись, наконец, в машину.

Джип медленно переехал в соседний двор.

Только когда полицейские отъехали подальше, Джон почувствовал, в каком напряжении он был все это время.

Накатила усталость, и Джон всерьез решил остаться в этом подъезде до утра. Мягко ступая по ступенькам, Джон решил обследовать все этажи. Когда он снова проходил мимо двери старушки, пес оглушительно залаял, бросаясь на дверь. «Ну, да что с тобой сегодня, Джонни, – услышал Джон знакомый голос, – а ну, ложись спать немедленно, а то я тебе сейчас как дам!»

Джон поднялся до последнего, девятого этажа и обнаружил, что лестница идет еще выше: там оказался вход на технический этаж. Легко сломав старый висячий замок, Джон проник внутрь и довольно скоро заснул на пачках старых пыльных газет.

19

Дуня Поц лежала в шезлонге у бассейна на крыше 35-этажной башни, известной, как «Башня Кенгольца». Кенголец – ее покойный муж – построил на крыше своего небоскреба двухэтажный дом в колониальном стиле, окружил его лесными деревьями, не забыл и про бассейн, оформив его как пруд в сосновом лесу. Здесь было уютно, как на загородной вилле, и, в то же время, это был центр Москвы.

Дуне здесь нравилось. С одной стороны – покойно и безопасно, с другой – подойди к краю, и панорама огромного мегаполиса заставит трепетать.

А трепетать Дуня любила больше всего. Родившись в благополучной семье «юсфул-пиплы», она могла бы прожить вполне спокойную и размеренную жизнь: возможно, даже и работала бы на какой-нибудь фирме, или просто обзавелась семьей, растила бы детей... Но бес в нее вселился в раннем детстве. Ей нужны были острые ощущения. В школе она ненавидела девочек, презирала мальчиков, ссорилась с учителями, а преподавателя автовождения просто-напросто упекла за решетку. Сначала она в него влюбилась и пыталась соблазнить. Но это не удавалось сделать – учитель был корректен и неприступен. Тогда она отомстила и устроила провокацию: во время занятий по вождению порвала на себе одежду, исцарапала себя и сказала, что он пытался ее изнасиловать прямо в машине. Учитель оправдаться не смог и его отправили на каторгу куда-то в Страну. Это Дуне понравилось.

Постепенно она поняла, что власть – самое сильное наслаждение. Она унижала продавцов и водителей, дворников и рабочих – всех, кто был беззащитен и не мог ей ответить. Рано повзрослев, она погрузилась в бурные пучины секса, нащупав и здесь самое привлекательное – власть над партнером. Ей было необходимо его унижать, бить, измываться и мучить до тех пор, пока ее плоть не насыщалась.

Но когда она вкусила высшей власти – власти над жизнью...

Охота стала любимым увлечением.

Она полюбила убивать. Она трепетала, когда, ей удавалось успеть потрогать бьющееся в предсмертных конвульсиях подстреленное ею тело лося, успеть взглянуть в его потухающие глаза, ощутить, как жизнь уходит, и сильное тело могучего зверя превращается в труп...

Она лежала в шезлонге и вспоминала свою первую охоту на человека. Это было в Африке.

Негр знал, что его застрелят, и убегал лишь потому, что ему об этом сказал вождь. Он отдал вождю свою жизнь не задумываясь. Как только вождь получил деньги, негр отправился

в огороженную часть саванны, где его должны были выследить и убить. Так уже делали его односельчане, и вождь говорил, что они сразу попали на небо.

Прятаться негру не очень-то и хотелось, поэтому Дуня быстро нашла его, подъехала к нему на лошади, прицелилась в правый глаз и выстрелила. Потом она спешила, и некоторое время трогала умирающего негра, обнаружив при этом немало интересного и возбуждающего.

И, все-таки, чувство неудовлетворенности оставалось, потому что не было сопротивления – негр просто дал себя убить.

Следующая охота была получше. Во-первых, не негр, а белый. Во-вторых, этот крестьянин вовсе не хотел умирать. Его приговорили за невозвращенный долг. Да и сценарий был поинтереснее. Надо было вместе с местными проводниками-охранниками подкрасться к нему, когда он работал в поле, потом поскакать к нему, а когда он начнет убегать, дать ему забежать в орешник и там только выстрелить. Первая пуля попала в ногу, он пытался ковылять, потом упал... Тут уж Дуня оттянулась по полной программе. Прикончила его со вкусом, не спеша.

А сейчас, лежа на вечернем солнышке, Дуня предвкушала настоящий азарт. Теперь жертва была не просто жертвой – разбойник и сам мог стрелять и сопротивляться. Тут был настоящий риск. К тому же, все происходит здесь, в Москве – да, это настоящая охота.

Разбойник, как ей сказали, уже выпущен в город. Егеря должны загнать его и, видимо, завтра, она вступит в игру. А пока зверя надо немножко растравить.

Она видела его фотографию: настоящий Зверь!

20

День Второй: ПОНЕДЕЛЬНИК

Джон проснулся в шесть часов.

Дом уже начал наполняться звуками просыпающихся и собирающихся на работу юсфул-пиплов: низвергалась вода в канализационных стояках, заработал лифт, в подъезде гулко лаяли собаки, выводимые на утренний моцион.

Джон выглянул через узкие бойницы технического этажа и осмотрел двор, в котором вчера на него набросилась собака, потом перешел на другую сторону, выходящую в парк.

Дом, в котором спрятался Джон, стоял в ряду других домов, расположившихся в линию вдоль границы парка, протянувшейся километра на три. Из бойницы хорошо была видна граница парка и дорога его опоясывающая.

Вот идет девочка со щенком. Видно, родители заставили ее выйти так рано из-за потребностей собачки. Девочка направляется ко входу в парк.

Неожиданно из-за кустов, служивших живой изгородью, выходит полицейский и что-то говорит ей. Девочка послушно останавливается, отходит в сторонку и позволяет собачке сделать свои дела прямо на газоне.

Джон взглянул вдоль линии деревьев и увидел полицейские джипы, стоящие вдоль дороги каждые триста метров, а в одном месте была даже конная полиция.

«Они окружили парк!»

Метрах в ста налево полицейский даже не прятался в кусты.

«Вот меня и обложили. А через час надо сделать закладку, через три часа сигнал должен выйти в эфир. Что же делать? Как отсюда выбираться?»

Джон находился на верхнем, техническом этаже двенадцатиэтажной башни. Слева и справа он видел крыши длинных семиэтажных домов. За ними стояли такие же башни.

С высоты двенадцати этажей парк, словно зеленое море, мягко пошевеливал вершинами деревьев и только в нескольких местах расступался, чтоб обнажить свои прекрасные голубые озера. Отсюда он был виден почти целиком, но его правый, самый удаленный край уходил за горизонт и только вершины небоскребов, выглядывающие из-за горизонта, позволяли ощутить, что у парка есть граница и с той стороны.

«Нет, в парк мне никак не пробраться.»

Джон еще раз осмотрел свое убежище. Пространство этажа не было чересчур заполнено – трубы, перегородки, кое-какая старая мебель, притащенная жильцами, пачки журналов и газет – вот и все. Потолок был низковато расположен, пригодилось ходить полусогнутым, но это было бы единственным неудобством, если бы не погоня...

21

Осторожно выглянув в подъезд, Джон прислушался. Было, в общем-то, тихо. Так, обычные звуки пробуждающегося дома.

Послышался звук открывающегося замка. Джону была видна только одна дверь из четырех квартир верхнего этажа. Джон осторожно выбрался на площадку и, вытягивая голову из-за угла, попытался увидеть источник звука.

Дверь приоткрылась и в подъезд выскочила маленькая кудрявая рыжая собачка, следом за собой она вытянула тетку, держащую поводок.

– Ну, подожди, Джилда, не торопись, – заворчала тетка, – сейчас пойдем.

Тетка в одной руке держала поводок, в другой пакет с мусором, поэтому все никак не могла запереть дверь на ключ.

Неожиданно даже для самого себя Джон как молния рванулся к тетке, впахнул ее и собачку в квартиру и, не обращая внимания на нежный лай песика схватил тетку за горло:

– Я тебя не убью, если будешь молчать, понятно?

Тетка, видимо, была в шоке и ни ответить, ни заорать еще не могла.

Джон бросил ее в кресло, стоящее посреди комнаты напротив телевизора и, пошарив глазами, увидел на неубранном с ночи диване полотенце. Схватив полотенце, Джон обмотал его вокруг теткиной головы, стараясь как-нибудь завязать рот, прежде чем она начнет кричать, но у него ничего не получалось, а тетка уже начала подавать звуки.

Почувствовав, что вот-вот она изойдет настоящим воплем, Джон применил уже проверенное вчера вечером оружие – трахнул тетку кулаком по темени. Тетка замолкла сразу и, возможно, надолго.

Теперь можно было не так торопиться. Джон осмотрелся. Квартира была однокомнатной, и в ней никого больше не было. Джон заглянул в ванную, прошел на кухню, нашел широкий скотч и вернулся к несчастной. Аккуратно заклеив ей рот, Джон примотал ее к креслу и посмотрел на часы. Было двадцать минут седьмого. До запуска кнопки времени было достаточно, и Джон решил, заодно, умыться, побриться, попить чайку, а, быть может, даже и кофе. Приняв душ, побрившись, Джон, поедая бутерброды с сыром, попивая чаек с баранками и медом – у тетки кое-что в буфете и холодильнике нашлось, – расположился на кухне и включил телевизор.

Долго ждать не пришлось.

Те, кто поставил на поимку «Монстра», то бишь, его самого, не позднее полуночи, уже обделались. Зато в призовом фонде накопилась сумасшедшая сумма. Толстогубый дегенерат, который вел утренний выпуск, нагнетал страсти не щадя ни себя ни зрителей.

– Преступник так наследил, что на свободе ему осталось ходить не более двух-трех часов. Повторяем сюжет о событиях вчерашнего вечера.

На экране появился интерьер ресторана, в котором Джон вчера откусал восточный плов, потом появилась голова «несчастной жертвы, чудом вырвавшейся из лап чудовища» – того самого чернявенького с усиками.

Парнишка с жаром и жестикуляцией рассказывал о том, как «я его узнавал, а он на меня бил». Потом показали кабинку туалета, кем-то вымазанную красной краской, похожей на кровь, потом о чем-то говорил полицейский, потом снова и снова показывали фотографии Джона, причем именно в его теперешнем обличии, включая одежду, а также умерщвленных им детей —к утру их количество возросло...

Утратив интерес к телевидению, Джон взглянул на тетку – похоже, она продолжала пребывать без сознания. Собачка Джильда явно не была приучена охранять дом, и не отходила от Джона ни на шаг после того, как он накормил ее сыром с ветчиной. Заглянув в платяной шкаф, Джон нашел-таки кое-какую мужскую одежду. Видимо, тетка была вдовой, и в доме еще оставались вещи мужа. Джон подобрал себе пиджак, рубашку с галстуком, зеленовато-серую полотняную куртку и коричневый берет. Поглядев на себя в зеркало, он остался почти доволен. Усы он уже выбросил, а вот паричок из-под берета выглядел неплохо.

7 часов, 2-й день.

Ровно в семь часов он прикрепил кнопку к центру кухонного стола и надавил на нее.

Ты лети, мое письмо, прямо к миленькой в окно...

«Бомбу бы этим миленьким в окно», – подумал Джон.

Взглянув на тетку, Джон подумал: «Потерпи, старуха. Помощь придет к тебе через два часа и ты станешь знаменитой. Потерпи». В прихожей он заметил толстую отполированную суковатую трость и понял, что она будет кстати.

– Джильда, гулять, – сказал Джон, и, прикрепив поводок к ошейнику, вышел из квартиры, ведомый радостной собачкой.

Джон не забыл взять с собой пакет с мусором и выбросить его в бак у дороги, как поступил бы добропорядочный юсфул-мен.

Джилда охотно сделала свои дела во дворе и, весело обнюхивая все, что успевала, потрусила за Джоном в сторону метро «Перво-Майка».

22

Жерло метрополитена вбирало в себя массу спешащих на работу граждан. Джон взял Джильду на руки и, став частью потока, продвигался к турникетам. Действуя, как и все, он вставил свою «ай-ди-карту» в прорезь и зеленый сигнал показал, что вход оплачен. Джон мысленно облегченно вздохнул и пошел дальше, начиная обдумывать дальнейшие перемещения, как вдруг от стены отделился полицейский и, пальцем указав на Джона, властно сказал: «Стой!»

Джон оглянулся, надеясь на чудо, но чуда не произошло. Полицейский подошел именно к нему и, не обращая внимания на плотный поток пассажиров, остановился и потребовал документы.

Прижимая левой рукой Джильду к груди, Джон протянул полицейскому карту, прикидывая, может ли он попытаться сбежать.

«Против потока пассажиров просто не выбраться. Значит, надо рвануть к отходящему поезду. Если в него успеть влезть, или, хотя бы зацепиться за задний вагон, есть шанс забраться в тоннель, но шансов проехать хоть одну остановку, конечно, нет. На следующей станции его возьмут наверняка, значит, надо будет прыгивать в тоннеле и попытаться спастись...»

– Имя?

Господи, как же меня зовут?

– Николай ...

Боже милостивый, какая же там фамилия? Там же было что-то похожее на...

– Полное имя?

...похожее на ведро... или бедро... Да, точно...

– Николай Бердо.

– М-да, господин Бердо, странный вы тип...

Он что, ждет подкрепления? Вот и поезд подошел. Секунд через 10 он будет отходить...

– И на что же вы рассчитывали, позвольте спросить?

До первого вагона всего метров двадцать... Ступеньки, правда...

– Так что же вы, господин Бердо, просто забывчивы, или у вас особые заслуги?

Но из первого-то вагона не выскочить на ходу! Тогда надо в другую сторону...

– Простите?

– Я что-то не слышал о таких заслугах, которые позволяли бы провозить животных без оплаты. Может быть, вы, все-таки, объясните ваш странный поступок? – полицейский был строг и серьезен.

– О, господи, Джильда! Я просто забыл, господин офицер, я просто забыл...

– Хорошо. Я дам вам возможность исправить вашу ошибку, но впредь будьте внимательней, – и полицейский вернул Джону «ай-ди-кард» на имя Николая Бердо, – вернитесь и оплатите.

Продолжая прижимать Джильду к груди, Джон втиснулся в переполненный вагон пробрался в угол, где можно было более или менее спокойно стоять. Как бы защищая собаку, Джон встал лицом в угол, снижая, тем самым, вероятность быть узнанным.

В вагоне были, в основном представители «юсфул-пиплов», спешащих на работу в центральную часть города.

Мысленно сравнивая себя с ними, Джон решил, что не отличается от большинства, разве что собака на руках для человека, едущего на работу, была лишней. С другой стороны, эта собачка, быть может, спасла ему жизнь. Вообще, что-то ему дважды кряду повезло со старухами-собачницами. Третий раз судьбу испытывать не надо. От собаки придется избавиться – через полтора часа весь город будет знать, что произошло в квартире одинокой женщины из Измайлова, станет также известно и про собачку. Возможно, даже фотография собаки найдется...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.